

Шулевский Н.Б.,

доктор философских наук,
профессор Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: shylevsk@mail.ru

Зотова Е.С.,

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: eszotova@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется общая телеология образования и справедливости. Выделяются тезисы, достойно представляющие проблему и подход к ее решению: 1) в земной жизни позитивно возможна лишь относительная справедливость, а справедливость абсолютную негативно гарантирует лишь смерть; 2) относительная справедливость адекватно выражается, воплощается, действует в образовании и посредством образования, в котором создаются, хранятся и воспроизводятся субстанции человечности и ее сакральный Образ; 3) глобализм, навязывая американский проект профитного образования, разрушает субстанцию и Образ человечности, заменяя их неоязыческим варварством и наглой несправедливостью.

Ключевые слова: образование, справедливость, человечность.

Справедливость — фундаментальная категориальная реальность общества, человека, социальных и гуманитарных наук, философии, права, политики, морали, вообще самой жизни и мироздания. Справедливость выступает интегральным, регулирующим, организующим принципом человеческой судьбы, категорическим императивом его бытия, порождающим, движущим, творящим принципом, сакральным смыслом его сознания и разума, которые в глубинной основе своей суть идеальные ее вестники. Вменяемость сознания и разума целиком определена справедливостью. А несправедливость гасит свет ума и сознания, превращая их в возмущенных фурий, в inferнальных монстров, призывающих кары на своих растлителей. Прелюбопытно, что кары эти свершаются на сто процентов. Вся история человечества есть серия выездных сессий страшного суда над различными элитами, которые в разные эпохи служили несправедливостям, что и приводило к их деструкции или к насильственной замене другими элитами, повторяющими тот же суицидный ритуал.

Праведные, справедливые правители и законы, праведная и справедливая жизнь остаются вечными ценностными ориентирами в безутешных и горьких скитаниях людей, исполняющими наидревнейший закон справедливости: «*Есть мир — не знаю, но ищи в нем то — не зная, что; ищи там — не зная где; пойми себя — не имея себя; пойдти туда — не зная куда; сделай то — не зная что; отдай то — не зная что; отдай тому — не зная кому; страдай до конца — не зная за что; найди то — не зная что; принеси то — не зная, что; получи сполна — не зная за что; вытерпи все — обрети Иное; потеряй нетерпение — не находя терпения*». Это и есть сакральная формула справедливости, тайна ее императива, ее целевая причина. Имеющие ум, да уразумеют! А теряющих смысл и понимание справедливости ждет черная дыра вселенской несправедливости.

И никакие информационно-виртуальные чудеса и хайтеки, никакое экранное блаженство не смогут вытеснить из людей эту неутолимую в земном мире жажду справедливости.

Справедливость неотъемлема от хозяйства, которое содержит в себе предсправедливость — первичное право на владение плодами своего труда. А хозяйство неотъемлемо от Государя — хозяина страны, ее земли и народов, хозяина всех хозяев, будучи слугой Первохозяина Дома бытия.

Тематика справедливости преимущественно выявлялась, формировалась, исследовалась, разрабатывалась, обретала смысловые каноны и выражалась в морали, философии, религии. Но центром, столицей справедливости со временем стало право. Справедливость должна быть с правом, в праве, основываться на праве, действовать посредством права, возводя в ранг правовых и метаправовых ценностей милосердие, совесть, нравственность, саму человеческую жизнь, которой присуще земное право, хотя она подотчетна только сакральному праву.

Однако горько признавать, что право уже давно и тайно предало справедливость. Ведь справедливость — это вера обреченных на бедность, нищету, бездомность, рабство, «новых бедных»; это вера вдов и сирот, обездоленных, невинно страдающих в тайных темницах, служащих живым материалом секретных лабораторий; это вера воинов, погибающих за несправедливые дела; это вера нерожденных, младенцев, детей, подростков, молодежи, стариков, безработных, превращенных в живой товар и фармацевтическое сырье; это вера забытых страдальцев в больницах, ожидающих последней справедливости. Большинство людей живет в состоянии тихого отчаяния, не слыша спасительного гласа справедливости. Но право предало их, занимаясь главным образом делами золотого тельца, богатых, могучих и неподсудных. Право всерьез служит тем и защищает тех, кто может оплатить

его услуги деньгами, богатством, иными благами. Но тем самым право призывает из небытия демонов несправедливости, беззакония, произвола, правового нигилизма. Ведь если насущные проблемы справедливости не решаются правом, то они будут решаться материальным языком восстаний, бунтов, революций, войн, террора. И коррупция, поедающая жизнь, строго говоря, тоже есть продукт несправедливого устройства жизни, «законная прибыль от несправедливых дел и решений».

Но что есть справедливость? Сколько людей, групп, классов, народов, партий — столько воззрений! В более конкретном плане понимание справедливости в мудрости Востока, Запада и Юга содержит в себе два фундаментальных принципа.

1. Справедливость есть иерархическое устройство общества, человека, жизни сообразно восходящим сакральным и профессиональным качествам и ценностям людей, существ, вещей, образующих эту иерархию. Минимум материала иерархии составляет триада, состоящая из высшего, среднего и низшего уровней. Часто на каждом из уровней социальных иерархий есть советы, которые занимают вопросы сохранения, воспроизводства данного уровня иерархии, селекции кадров высшего уровня. Иерархия есть своеобразный демократически-централистский тип справедливости, сочетающей в себе интересы властной вертикали и социально-личностные устремления людей в горизонтах гражданской жизни.

2. Справедливость во всех учениях требует максимального соответствия способностей, умений людей их профессиям и социальным статусам. Сапоги должен тачать сапожник, пироги печь — пирожник, воевать — витязь, хранить справедливость — государь и право.

Наиболее полное выражение идеал и реалия справедливости нашли в кастовых структурах Древнего мира. Осознал, исследовал их и превратил в политический инструмент Платон. Справедливость для него есть идея, образец, средство, целевая причина прочного устройства общества. Причем, справедливость есть заглавная буква социального бытия, видимая только на примере общества в целом, а не на отдельных институтах, деяниях, индивидах [1, 239]. В справедливом обществе несправедливые люди, законы, дела до определенной меры не грозят справедливости, а иногда служат ее средствами, а вот в несправедливом обществе отдельные справедливые законы, люди, институты, деяния не исправляют несправедливость, а лишь ее усиливают. В благом обществе зло служит средством добра, а в недобром обществе добро умножает зло. И без возмездия Немезиды о справедливости исчезла бы даже память в мире.

Высшую, истинную справедливость люди всегда видели в Боге (богах), который отчасти от-

крывал ее через мудрость религии, святые писания, ритуалы, обряды, символы, святых. Справедливость в качестве Божьего закона выступает как Логос, который породил логику, философию, теологию, право, науку, разум, рассудок, интеллект.

Но высшую справедливость люди издревле видели и в божественной мудрости, которая открывается через смысловые богатства религии, наук, теологии, искусства, права, храмов, икон, философии хозяйства, софиасофии.

Высшая божественная справедливость, закон логоса и мудрость максимально могут осуществиться в жизни человечества через образование, которое должно быть безоговорочно доступно всем людям, независимо от их социально-экономического, национального и расового статуса. Образование — необходимый системообразующий фактор справедливого устройства общества.

Начнем одиссею справедливости на теоретической платформе Г.И. Мойсейчик, скорректировав ее сообразно нашей цели. Автор полагает, что своеобразие каждой эпохи определяется ее хозяйственной триадой. «Хозяйственная триада есть некое единство, или, выражаясь философски-теософски¹, — священное кольцо образования — науки —предпринимательства...» [2, 41], охватывающее все пространство человеческой демиургии. Но эту триаду следует дополнить еще одним звеном — властью, без которой она не сможет выполнять свои социогенетические, культурные и антропологические функции справедливости. И тогда конструктором и демиургом общества, цивилизаций будет уже не триада, а сакральный тетрактис Пифагора.

Но в этом хозяйственном тетрактисе революционную и сакральную роль играет не наука, не предпринимательство (практика), не власть, а образование, которое служит перводвигателем любого общества, хотя в отдельные эпохи власть, наука и предпринимательство делают свое «малое добро», свершая «зло большое», подчиняя своим целям образование. На первый взгляд, такое суждение кажется преувеличением роли образования. Почему же именно образование становится гегемоном хозяйственного тетрактиса, а в нашем случае — и гегемоном справедливости? Нужно взглянуть на образование сакральным взором, не ограничивая себя узкой прагматикой.

Во-первых, внешне образование выглядит как способ передачи накопленных знаний, ис-

¹ Мы заменили бы это несколько искусственное выражение термином «софиасофия», который охватывает образование, науки, философию, искусство, православие, предпринимательство в диалектическом, триалектическом и полилектическом единстве новой мудрости. Термины «теософия» и «философия» исчерпали свои смысловые ресурсы уже в XX в., и сегодня просто закрывают динамику формирующегося нового типа мудрости, стартовавшей в философии хозяйства С.Н. Булгакова и вообще в русской духовной жизни.

следовательских, учебных умений, как критическая проверка их логикой, опытом, катастрофами истории и личной жизни. Эта функция образования частично совпадает с наукой, хотя наука сохраняет свою автократию и в образовании. В образовании человек изучает, усваивает знания как особый объект, превращает их в профессию. Посредством такого образования человек преобразует свою биологию в социальную субстанцию своей личности.

Во-вторых, образование в самом широком плане есть возвращение софийной и логосной субстанции человечности, проявляемой посредством справедливости и ее производных — сознания, блага, красоты, истины, ума, предпринимательства и властных решений. Идеальная, словесная, мысленная, сознающая, культурная, властная субстанция человечности, центр ее «Я» — справедливость — проектируется, создается и сохраняется в образовании.

Только образованию присуща самодостаточность (*causa sui*), ибо в нем истина (знание) и вера совпадают (нельзя учиться, не веря в истинность изучаемого). Бл. Августин нашел формулу, выражающую взаимообусловленность знания и образования: «Верую, чтобы познать (изучать); познаю (изучаю), чтобы верить».

Наука не обладает автономией, будучи зависимой от прогресса познания и своего незнания. Наука неполноценна, ибо в ней знание неотделимо от сомнения, которое, пожалуй, совпадает с ним. Наука никогда не сможет преодолеть присущие ей сомнения, скепсис в отношении уже добытых ею знаний. Но стремление преодолеть скептицизм, сомнения, найти вечную нетленную истину служит источником роста научного знания. Наука сама по себе и в себе не имеет своего спасительного позитива, завершаясь великим сомнением. Умножение научного знания умножает сомнения из-за невозможности достичь истину даже в понимании самой себя, своей роли в жизни людей. Достоверность научному знанию придают лишь его смысловые взаимодействия с верой и образованием.

И практика (предпринимательство) — вопреки идеалам материализма, прагматизма, утилитаризма — тоже не является автономной реальностью. Более того, становясь автономным, прямо таки культовым фактором общества, практика (предпринимательство) порождает величайшие бедствия, угрожая человечеству технологической, «мусорологической» и антропологической катастрофой. Дело в том, что практика отождествляет истинность знания с его материальным (организационным, властным, военным) воплощением, с его превращением в реальные изделия, институты, в оружие, вообще в богатство и в субстанцию золотого тельца. Практика (предпринимательство) как форма материальной де-

ятельности, использующей смысловые ресурсы науки, знания, есть одна из необходимых форм реализации человека, одно из средств обеспечения его жизнедеятельности. Но практику (предпринимательство) не нужно абсолютизировать, превращать в фетиш человеческого бытия.

Абсолютизация практики многолика. Во-первых, господство практики над образованием навязывает ему чуждые его сущности нормы количественного подхода, стандартизации, унификации, коммерциализации, и эти правила подрывают, разрушают воспроизводство содержания образования. Во-вторых, доминанция практики ведет к полной материализации не только знаний о человеке — что в определенной мере необходимо самому же человеку, — но и к отчуждению человека от своей духовной сущности. И, в-третьих, сакральный порок практики состоит в том, что она пытается материализовать с помощью технологий сам идеальный мир, который питает эту же практику своими открытиями, идеями. Самого Бога практика тоже пытается воплотить в технологиях. Поиск непобедимого оружия в гонке вооружений питается стремлением превратить Бога в сверхоружие. История оставила нам напоминания о техноцивильзациях Атлантиды, Древнего Египта, Мексики, которые погибли в силу своей чудовищной технологической мощи, с которой люди, ослабленные, ограниченные и ослепленные этими технологиями, потерявшие даже память о справедливости, уже не могли совладать.

Гегель полагал, что творцом техники является рабское сознание, мечтающее посредством технократии сделать своим рабом человечество. Технократия превращает природу, культуру, человека в мусор и отходы², прилагая огромные пиарные усилия для сокрытия за малым технопро-

² Ужасающе безотрадную картину Запада как Мира-Отброса изобразил Ж. Бодрийяр: «Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т.е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться. Вся биосфера целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого — на помойке истории. Впрочем, сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла в результате демпинга средств массовой информации, способных превратить их в субстанцию, непосредственно готовую для употребления, а затем и в отбросы. Как же может ненавидеть и презирать самое себя цивилизация, которая с самого начала производит себя, причем умышленно, в виде отбросов, трудится над своим собственным бесполезным построением. Сами человеческие существа бесконечно воспроизводят себя в виде отбросов или в виде обыкновенных статистов. Горькая участь этого персонала, которому суждено перейти в отбросы. Наша культура превратилась в производство отходов. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов — вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [3, 99–100].

грессом неисправимых пагубных экологических бедствий. Техногенный прогресс исполняет свой антипроект, превращая человека, все его творения в мусор, а справедливость заменяя ростом эффективности машин и людей-биороботов.

И власть не является самодостаточной реальностью, ибо истина в ней совпадает с мощью ее оружия и ее закона. Власть постоянно умножает свою силу, доводя ее до такого взрывоопасного уровня, что она парализует свободу, науку, образование и предпринимательство (практику), а жизнь ввергает в такую деструкцию, которая разрушает саму власть; справедливость при этом низводится до пиарных слуг и услуг. Тем самым власть вступает в неразрешимую коллизию с образованием, с законом его справедливости, со взращиваемой в нем человечностью, подрывая свои кадровые потенциалы. Верно: «Кадры решают все!»; а в кадрах все решают учителя, а в учителях все решает их образование.

Именно вызовы творящейся в образовании человечности и справедливости порождают необходимые для ответов на эти вызовы социокультурные, научные, технологические инновации, властные решения, институты. Угасание образования разрушает человечность, и, как следствие, мы имеем события, разворачивающиеся в настоящее время в Сирии, Ираке, Ливии, Украине.

Образование творит, хранит, воссоздает социокультурные и цивилизационные связи людей, благодаря чему сохраняются народы, страны. Для Аристотеля человек есть «политическое животное», живущее по закону справедливости; но таким животным его делает образование, превращающее его в человека *par excellence*. Образование — это не только учебная реальность, но прежде всего — это сама справедливость, ставшая антропотворящей и социокультурной причиной истории. Поэтому не образование есть часть общества, цивилизации, человека, а общество, цивилизация, человек выступают воплощениями «сакрального Образа-образования» и присущей ему справедливости. В этом аспекте образования истина и вера совпадают в справедливости, а их гарантом служит само их бытие.

Идея и замысел бытия осуществляются через энергии миротворного образования. Сам мир, все многообразие его созданий, есть непрерывно длящееся Образование, становящаяся справедливостью. Через образование истина становится культурой, культом, верой, путем к высшей справедливости, в которой возможно максимальное приближение Образа человека к его сакральному Оригину.

Образование (с большой буквы) становится основой и формообразующей силой бытия — силой спонтанно-естественной и субъективной, силой справедливости и свободы. Образование пресекает инициативы хаоса; но оно ограничи-

вает и насилие, превращая его деструктивность в культовые и культурные силы людей. Образование воплощает власть справедливости, сочетающей мудрость централизма, демократии и самоорганизации. После крушения СССР только система образования сохраняла целостность России. Со всего мира люди-паломники приезжают на Воробьевы горы, чтобы посмотреть на Высотное здание МГУ, которое воплощает в камне образ нашей справедливости. А посвящение в студенты университета есть и посвящение в справедливость России. Посредством Образования действует сакральный творящий проект, использующий науку и философию, терминологические каноны, идеальные нормы бытия, нормативные, символические, смысловые и экзистенциальные инициативы людей для справедливого устройства мироздания. Образование задает миротворные контексты и матрицы для культур и цивилизаций, будучи незримым режиссером и справедливым судьей невозможных событий и происшествий. Образование служит смысловыми крыльями и сакральной программой справедливости и мудрости. Все проблемы людские возникают вследствие разрыва живого смысла Образования с целями общества, со справедливостью. Образование живет не по закону денег и технократии, а по закону софиасофской мудрости, которая через созидание человечности выходит на путь справедливости, благодати, вечности.

В современном мире господствует американский хозяйственный проект, в котором главенствует образование: пройдя ступени прагматизации, онаучивания и обретя коммерческий статус, оно стало уже самостоятельной силой, негативно преобразующей все сферы общества. Малая правда этого проекта состоит в том, что главную роль в нем играет именно образование, а не наука, не предпринимательство и не власть. А коварное и губительное лукавство этого проекта в том, что он во многих аспектах искажает образование. Это образование стало частной информационно-коммуникационной, финансовой собственностью, а потому оно порабощено предпринимательским прагматизмом, превращающим его в средство обогащения и в род услуг. Этому образованию его собственники навязали технократические, количественные, стандартизированные, унифицированные, коммерческие нравы, которые вытесняют творящую суть образования — сотворение, обогащение человечности и ее субстанции — справедливости.

Г.И. Мойсейчик справедливо замечает, что «квинтэссенцию образования великий Ломоносов усматривал именно в способности генерировать Богочеловеческое знание» [2, 46]. Именно богочеловеческое знание есть та конечная гавань, куда приходят корабли всех наук. Маяком

этой гавани служит метафизика, изучающая невидимый мир причин и законов. В своем высшем смысле образование есть познание сакральной сути всех вещей. М.В. Ломоносов требовал, чтобы учащиеся на русском и на латыни сочиняли оды божеству, как бы завершая этим свое образование, превращая его в самодействующую силу науки Спасения. Человек должен стремиться к познанию Бога не только ради спасения, но и ради красоты, величия и превосходства этого знания. Есть, есть вечная правда, открываемая нам в образовании, которое указывает путь к высшей справедливости, становясь ее гимном³.

Болонская реформа образования XX в. дала не лучший проект образования. Без богочеловеческого знания, порождающего цели, смыслы, хозяйственные проекты образования, создающего человечность, которая ищет связи людей с сакральным миром, справедливость невозможна, ибо важнейшая потребность человека — справедливое устройство жизни.

Богочеловеческое знание — это не религиозное, не теологическое знание, не мирское знание религии, а цельное знание, которое включает в себя религиозные измерения мира в качестве смысловых причин, методов, гносеологических целей познания. И поскольку справедливость неотъемлема от богочеловеческого знания, представляющего вершину образования, следует отметить некоторые признаки такого знания.

Христианство содержит некоторые указания о богочеловеческом знании. Например, разум есть способность не делать зло. «Удаление от зла — разум» (Иов. 28:28). Эти знания отрицают, не допускают и не пропускают зло (хочу убить, могу, но не умею, не знаю, как это делается и никогда, никак не смогу узнать). И разум — это способность создавать не только умения, но и неумения, неспособности, например, неспособность делать оружие, ибо сделанное оружие будет применено. Даже на небесах право на оружие имели только избранные ангелы, хотя главным оружием их была неуязвимость. Богочеловеческое знание учит не только избегать зла,

защищаться от него, противостоять ему, но оно учит и обращать зло против зла, применять зло как средство блага (змеиный яд превращать в лекарство), владеть диалектикой отрицания отрицания.

Богочеловеческое знание присуще детям, которые естественно и непостижимо усваивают родной язык. Таящиеся в словах богочеловеческие зерна, попадая в душевную целину детей, прорастают неведомым для них знанием языка. Не случайно дети обладают уже той истиной, которую потом взрослые всю жизнь учат, ищут, но от этих штудий и поисков глупеют настолько, что даже смерть инфицируется этой глупостью, становясь год от года все более безумной. Христос первыми гражданами Царства Божьего считал детей, чистота и простота которых соответствует богочеловеческому знанию истины, ибо дети не умеют и не могут лукавить, обманывать, свершать порочные действия (пока их не научат взрослые — взрослые ли?).

Богочеловеческое знание — это особый род знания, которое не порождает проблем, неразрешимых противоречий при их использовании. Подобные знания символически содержат в себе мифология, фольклор, не ведающие никаких неразрешимых проблем, вопросов, являясь суммой решений и разрешений любых проблем, ответов на любые вопросы; причем эти знания сразу же выкладывают целостное меню всех последствий за выбор того или иного знания, за то или иное решение, принятое героями мифов и фольклора. Антрополог К. Леви-Строс утверждает, что «цель мифа — дать логическую модель для разрешения некоего противоречия... В мифе все может быть» [10, 206, 184]. И своими решениями техники безопасности бытия мифологические и фольклорные знания держали на запоре ящик Пандоры, превосходя все последующие знания наук, философии и практики. Именно мифы и фольклор открыли скотоводство, земледелие, строительство, мореплавание, календари, семью, вообще все начала культуры. Но не всем людям и не все нужно знать (да это и невозможно), не все нужно воплощать практически. «Не мудрствуйте, и правда вас найдет!» — советуют старцы, владеющие богочеловеческими знаниями блага.

Косвенно богочеловеческое знание свидетельствует о себе в качестве неодолимой для человека противоречивости, антиномичности, релятивности и фрагментарности всех его научных знаний. Богочеловечность знания проявляется в деструктивных последствиях используемых знаний; пагубные последствия знаний свидетельствуют о несовершенствах знания чисто человеческого и научного, которое не постигает бытие, а прислуживает невежеству, алчности и произволу. Увы, большая часть научных знаний — это не знания, а иллюзии. Катастрофизм современного мира не ослабляется, а усиливает-

³ Самопознание М.В. Ломоносов считал особым священнодействием: «Испытание натуры трудно... однако приятно, полезно, свято. Чем глубже до самых причин столь чудных дел проникает рассуждение, тем яснее показывается непостижимый всего бытия строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей мир есть первый, общий, неложный и неумолчный проповедник. Небеса поведают славу божию. Селение свое положил он в солнце, то есть в нем сияние божества своего показал яснее, нежели в других тварях. Сии беспрестанные и молний несравненно быстрейшие, но кроткие и благоприятные вестники творческого о прочих тварях промысла, освещая, согревая и оживляя оные, не токмо в человеческом разуме, но и в бессловесных, кажется, животных возбуждают некоторое божественное воображение» [4, 317]. Для Ломоносова, как и для Эйнштейна, было очевидно, что научное и техническое творчество требует священного вдохновения. Ограничивая зло чистых наук и алчность предпринимательства, возникающие из их отрыва от богочеловеческого знания, образование преображает их яды в блага.

ся растущими знаниями. Но если разум — это способность не делать зло, а в современном мире растет зло, то это говорит о том, что почитаемый человеком разум есть скрытое безумие, которое имеет не только клинические, но и рациональные, логические формы проявления. Поражает гносеология оружия и войны, в которых человеческие, слишком человеческие знания грозят самой жизни. Атомная бомба — это высочайший триумф научного знания, ведь сам атом неделимый расщепили! Но разве оружие душегубства можно признать знанием? По-мужички прямо эту скрытую фальшь науки выразил В.В. Розанов: «Так как я ученый, а ты не ученый, то я отрежу тебе голову». А вот его оценка военного дебюта химии: ««Война 1914 г.» страшна и вполне апокалиптическая. Это есть «светопреставление науки». Никогда нельзя было ожидать, что именно наука «светопреставится», — такая объективная, ясная и спокойная, но вот именно она «светопреставилась». Не страсти, не поэзия, — а холодная, позитивная наука» [5, 248, 249]. А в этом «светопреставлении» вся суть науки!

Знание очень сложный, коварный, лукавый и непостижимый феномен, напоминающий деньги. Не зря в Библии знание — соавтор грехопадения! Посредством знаний мы постигаем мир, но суть самого знания при этом остается загадкой. Знание сочетает в себе откровение, отражение, сотворение, насилие, затемнение, проникновение, прозрение, воображение, фальшь, ложь, смирение (не надо знания запретного), соблазны, симулякры, лукавство, гибель. О, как опасна гносеология, не ведающая, что она изучает!

Знания помогают человеку, иногда спасают его, предостерегают от бед, развивают, обогащают его смысловые и творческие ресурсы. А если знания убивают, то это не знания, а смесь знаний и гибели. Даже ложь превышает атомного знания, ибо из лжи бомбу не сотворишь. Ученые СССР создали библиотеки знаний о социализме, но из этих знаний вылезла криминальная олигархия, лишаящая этих ученых хлеба и знаний!

Апостол Павел утверждал, что мнения имеет каждый, а обладать знанием может лишь тот, кто сам познан и допущен Святым Духом к тайным священнодействиям в познании. Знание — это род священнодействия, творящего только благо (1 Кор. 13: 13).

М. Хайдеггер категоричен: «Наука не мыслит. Она не мыслит, ибо ее способ действия и ее средства никогда не дадут ей мыслить... То, что наука не может мыслить, — это не ее недостаток, а ее

преимущество. Лишь это одно дает ей возможность исследовательски войти в теперешнюю предметную сферу и поселиться в ней» [7, 132, 138]. Если от немыслящей науки нужно спастись, то от мыслящей науки не спасутся даже мертвые. Удача, когда мыслит не наука, а мудрость, ибо реально мыслит не наука, а наукой мыслит владыка, зодчий и конструктор апокалипсиса.

Значит, деятельность науки отрицает бытие, жизнь, человека, сознание, разум, смыслы, производя орудия смерти, которая не приходит извне, а таится в самой науке. Поэтому смерть непознаваема. Тысячелетние усилия мудрецов, ученых, мифы и фольклор бессильны перед тайной смерти. Если мы не можем практически познать смерть, то только потому, что само знание несет в себе смерть и сеет ее по мере ее накопления людьми. Здесь нет ничего странного. Если следствие греха — смерть, то этот же закон действует и в знании. Мы не можем иметь знания о смерти просто потому, что сама смерть есть вид чисто человеческого знания, которое не может выдать свою криминальную тайну. Умножая огонь, огонь не понять. Нераскрываемые преступления совершают те, кто должен их раскрывать. Человеческое знание не может рассказать о своей смертности, ибо, узнав ее, человек не будет своей смертью искуплять знание, а то и забудет умирать. А большинство знаний, особенно, научных знаний, современного человека не решают его проблем, а умножают их, делая их в итоге неразрешимыми или разрешимыми только посредством катастроф.

А что же тогда реально плодит наука, если массивы ее знаний порождают неразрешимые проблемы, если ее знания грозят людям гибелью?

Взрачиваемые наукой плоды содержат в себе мизер знаний, а большую долю этих плодов составляют фальшивые знания, средства насилия, запрятанные в знаниях, неведомый нам знаниевый эликсир смерти, которая и проявляет себя в чудовищных разрушениях природы и человека в ходе потребления плодов науки, о чем говорит афоризм Ф. Бэкона: «Знание — сила!». В богочеловеческом знании мышление и сознание избавляют людей от массы суетных и опасных действий, решая проблемы практики путем их недопущения в мир. И «мыслить», «познавать» можно только в синергии с сакральной мудростью. Мысль, знание, познание — это способность не индивидов, а смысловой ноосферы Божественной мудрости. Строго говоря, знание может быть только богочеловеческим, ибо без воздействия Первопричины мы имеем не знания, а гибель в знаниях. Для Сократа мудры лишь боги, а людям ведомо лишь знание своего незнания⁵.

Но сегодня возник новый тип мудрости — софисофия, основанная на богочеловеческом зна-

⁴ Ювенал не зря сомневался в науке: «Не знаешь, в благоволении своем или во гневе небо наделило нас науками». Ему вторит американский гуманист: «Чем бы ученые не занимались, все равно получится бомба» (К. Воннегут). Русский ученый Э.Г. Кочетов ставит точку: «Моральное и материальное вознаграждение за научные открытия по сути дела есть хорошо оплачиваемое научное преступление» [5, 269].

⁵ Об этом напоминает нам и мудрость фольклора: «Век живи, век учись, а дураком умрешь».

нии [8, 527–544; 9, 63–78]. Используя геометрический символизм⁶, можно сказать, что софиасофия есть диагональ, соединяющая в себе (опять-таки нераздельно и неслиянно) свойства вертикали и горизонтали, сохраняя при этом свою криптократическую автономию. Диагональ определяется смысловым законом и тайной Св. Троицы, тайной *ино*го пути. Вертикаль — это религии. Горизонталь — это науки, практика, предпринимательство, искусство. Диагональ — это миф, фольклор, философия хозяйства, софиасофия. Известна геометрия прямых, кривых, касательных, циклоидных, спиралеобразных линий, но неведомо, куда, зачем устремляется диагональ, какую и чью правду отстаивает она.

В богочеловеческом знании мышление работает не как индивидный процесс, а как общение мыслящего разума в человеке с мыслимыми идеями в бытии (вещах) и с немислимой сакральной Первопричиной вне бытия и человека, запретной для мысли, недоступной ей в силу ее вторичности.

Образование — созидатель бытия, мира, человека, сознания и разума, вообще, бытие становится миром только через образование, посредством которого оно обретает форму, смысл, идею, целевую и сакральную печать справедливости. И Россия создана русским, а не заморским образованием, а потому творить свою человечность и справедливость она может только в своем образовании. Надо все народы России поднять на защиту от глобализма отечественного образования, чтобы оно растило поколения, способные сделать справедливость царицей страны.

В беседе с Горьким Чехов сказал: «Если б вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель! У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича! Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас — это чернорабочий, плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой бы пошел в ссылку. Он голоден, забит, запуган возможностью потерять кусок хлеба. А нужно, чтобы он был первым человеком на деревне, чтобы он мог ответить мужику на все его вопросы, чтобы мужики признавали в нем силу, достойную внимания и уважения, чтобы никто не смел орать на него... унижать его личность, как это делают у нас все: урядник, богатый лавочник, поп, становой, попечитель школы, старшина и тот чиновник, который носит звание инспектора школ, но заботится не о лучшей постановке образования, а только о тщательном ис-

полнении циркуляров округа. Нелепо же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ, — вы понимаете? — воспитывать народ! Нельзя же допускать, чтобы этот человек ходил в лохмотьях, дрожал от холода в сырых, дырявых школах, угорал, простужался, наживал себе к тридцати годам ларингит, ревматизм, туберкулез... ведь это же стыдно нам!» [11, 374–375].

В.И. Ленин считал, что не партия, а «школа должна стать главным орудием созидания бесклассового общества». Ленин видел в школе даже единственный орган, который может покончить с войной и бандитизмом. На I съезде учителей в 1918 г. Ленин сказал: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год» [12, 608]⁷.

Но идея «школа — демиург общества справедливости» и поныне в загоне. В атаку пошли академические тяжеловесы. Н.Н. Моисеев, разрабатывая универсальный эволюционизм, ставит вопрос о том, кто будет в обществе субъектом этой абсолютной эволюции? И отвечает, что «решающую роль здесь предстоит сыграть все тому же институту, который я назвал “Учитель”. Именно этому институту наши далекие предки обязаны тем, что они стали людьми, тем, что человечество есть сегодня, всем достижениям цивилизации, своей моралью и нравственностью... В эпоху ноосферы его личность станет играть решающую роль. Проблема строительства системы “Учитель” — общепланетарная. И в наступающем веке (в XXI в. — *Н.Ш., Е.З.*) именно ей, я думаю, будут посвящены мысли и усилия ученых и государственных деятелей, всех людей, обеспокоенных будущим человеческого общества» [13, 351, 255–256].

Все великое в силу своей сути чревато как великим благом, так и бедой великой. И образование, завершающееся богочеловеческим знанием, становится чудом человеческого «Я»; но образование, ставшее средством оружия и золотого тельца, несет гибельную трансформацию человека.

Образование — единственная возможность и реальность справедливости, доступные для каждого человека. В образовании индивид актуализирует, раскрывает, возвращает свои способно-

⁶ Ибо «все, превосходящее геометрию, превосходит и нас» (Б. Паскаль).

⁷ А.В. Луначарский, комментируя эти слова Ленина, писал: «Пусть никто не подумает, что это был ляпсус со стороны Владимира Ильича, что это было увлечение, что это случайно “сказанулось” в специальной среде, которой окружен был на съезде Владимир Ильич. Все, кто знал покойного вождя, знают и то, что таких случайностей у него не бывало» [12, 608]. С этим высказыванием В.И. Ленина связана прямо-таки криминальная история. Его речь была напечатана в газете «Правда» по стенографическому отчету. В собрании сочинений Ленина из этой речи слова о школе исчезли. Но в хрестоматии для учителей, изданной в 1973 г., речь Ленина опубликовали в цельном виде. Хранители идеологии не заметили промах.

сти, обогащает свою сакральную иерархичность, позволяющую ему участвовать в порождении богочеловеческого знания, оправдывающего его ничемную, суетную жизнь, возводя ее в неизвестный, но манящий мир вечности.

Образование — это не дар индивиду, не его трудовой долг, не данность, а способ разрешения индивидом иерархических и антропологических задач на пути его становления человеческим Образом Первопричины мира, способ возвращивания субстанции человечности, закона ее справедливости посредством образования. И в любом состоянии мира такого состоявшегося человека всегда найдет ищущая его справедливость, которой нужны герои, а не обыватели и рабы. Ибо «раб по природе — тот... кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказание, но сам рассудком не обладает» [14, 383].

Справедливое общество может возникнуть только на основе и посредством образования, которое утвердит справедливость в качестве закона человечности. Это общество, названное «Царством Божиим», было открыто христианством, а его реализация возможна лишь посредством богочеловеческого образования, которое создаст гу-

манно-технологический строй и взрастит высший Образ человека. Эта идея служит демиургом духовной и реальной силы России; на ней и поныне держится русская культура, наука, победа. Будем все работать на образование — будут решаться даже неразрешимые проблемы справедливости.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984.
2. Горький М.А. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М., 1975.
3. Кочетов Э.Г. Поворотный пункт в судьбе гуманитарной парадигмы // Безопасность Евразии. 2002. № 1.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
5. Ленин В.И. О воспитании и образовании. М., 1973.
6. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 3. М.; Л., 1952.
7. Михайлов Ю. (Осипов Ю.М). Блики и срезы. М., 2015.
8. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М., 1990.
9. Мойсейчик Г.И. Эволюция исторических форм хозяйственных триад как форм интеграции образования, науки и предпринимательства: телеологическая роль образования // Философия хозяйства. 2015. № 6.
10. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
11. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. I. М., 1971.
12. Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994.
13. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
14. Шулевский Н.Б. Софиасофия — современное бытие спасения // Философия хозяйства. 2015. № 6.

Noosphere of Education and Justice

Shulevskij N.B.,

Doctor of Philosophy, Professor of the Economic Faculty
of Moscow State University named M.V. Lomonosov
E-mail: shulevsk@mail.ru

Zotova E.S.,

PhD in Economy, Senior Researcher of the Economic Faculty
of Moscow State University named M.V. Lomonosov
E-mail: eszotova@mail.ru

Abstract. The article researches the general teleology of education and justice. The author reveals theses which adequately represent a problem and approach to its decision: 1) in earthly life it's possible relative justice only, and absolute justice is guaranteed by the death only; 2) relative justice is adequately expressed, embodied, works in education and by means of education in which substance of humanity and its sacral image is created, stored and reproduced; 3) a globalism imposing an american education project, destroys substance and the image of humanity replacing them with neopagan barbarity and impudent injustice.

Keywords: education, justice, humanity.

References

1. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. T. 4. M., 1984.
2. Gor'kii M.A. Rasskazy. Ocherki. Vospominaniya. P'esy. M., 1975.
3. Kochetov E.G. Povоротnyi punkt v sud'be gumanitarnoi paradigmy // Bezopasnost' Evrazii. 2002. № 1.
4. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. M., 1983.
5. Lenin V.I. O vospitanii i obrazovanii. M., 1973.
6. Lomonosov M.V. Poln. sobr. soch.: v 11 t. T. 3. M.; L., 1952.
7. Mihailov Yu. (Osipov Yu.M). Bliki i srezy. M., 2015.
8. Moiseev N.N. Chelovek i noosfera. M., 1990.
9. Moiseichik G.I. Evolyuciya istoricheskikh form hozyaistvennykh triad kak form integracii obrazovaniya, nauki i predprinimatel'stva: teleologicheskaya rol' obrazovaniya // Filosofiya hozyaistva. 2015. № 6.
10. Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm. Minsk, 2007.
11. Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 3. Ch. I. M., 1971.
12. Rozanov V.V. Mimoretnoe. M., 1994.
13. Haidegger M. Chto znachit myslit'? // Haidegger M. Razgovor na proselochnoi doroge. M., 1991.
14. Shulevskii N.B. Sofiasofiya — sovremennoe bytie spaseniya // Filosofiya hozyaistva. 2015. № 6.